

Е. М. БЕЛЕЦКАЯ, Н. Н. ВЕЛИКАЯ

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ XIX ВЕКА В ИСТОРИИ РОССИИ И В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

В работе рассматриваются военно-исторические события XIX века, которые нашли отражение в песнях терского казачества: Отечественная война 1812 г., «Кавказская война», войны с Турцией. В народной памяти сохранились не только победы, но и неудачные сражения, где были значительные потери. В песнях встречаются стереотипы восприятия военных действий, ощущается кавказское влияние. Героями песен были командиры, непосредственно возглавлявшие походы и сражения. Отражение исторических событий в казачьем фольклоре служило сохранению лучших воинских традиций и воспитанию молодого поколения.

Ключевые слова: терские казаки, войны XIX века, военно-исторические песни.

В современной исторической науке появилась новая проблематика, подсказанная временем, а именно: сопоставление «особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций». Активное обращение к тому, как современники или участники тех или иных событий их воспринимали и оценивали, позволяет увидеть субъективную сторону восприятия исторического времени, его культурно-историческую специфику, в которую включается динамика «взаимодействия представлений о прошлом, зафиксированных в коллективной памяти различных социальных групп, с одной стороны, и исторической мысли той или иной эпохи – с другой»¹.

Описание когда-то произошедшего имеет в исторической литературе свою структуру, в которую входят необходимые сведения о том, что послужило предпосылкой и причинами события, кто является его участниками, где и когда событие произошло, чем оно закончилось и каковы его последствия. Фольклорное произведение строится иначе: историческое время указывается чрезвычайно редко, место действия – почти всегда, действие описывается, как правило, самими участниками, поэтому повествователь – «мы»; в центре повествования – военные действия и оценка поведения его участников.

Между тем в последние годы усилился интерес историков к фольклору. Нельзя не согласиться с тем, что скептическое отношение к устной традиции неоправданно, а в фольклорных материалах зачастую не больше вымысла, чем в письменных документах². Произведения устного народного творчества возникали в конкретных условиях, вне которых

¹ Ретина 2010 С. 9–10.

² Матвеев 2000. С. 114.

они не могут быть поняты. В них сочетались достоверные описания с традиционными стереотипами, реальные подробности – с вымышленными. В казачьем фольклоре запечатлены образы полководцев, идеальных героев-защитников, сам дух времени, в которое они появились. Песни терских казаков отразили многие события российской истории в специфическом преломлении. В них представлены и военные действия, в которых казаки участвовали, и их повседневный мир.

К XIX в. относится немало военно-исторических и военно-бытовых песен, в которых описывались сражения с неприятелями в регионе и за его пределами. Эти песни никогда не теряли своей актуальности, и не только потому, что были тесно связаны с историей казачества. Они задавали своеобразные нравственные ориентиры, показывали культовых героев, которых нужно почитать и на которых следует равняться. Песни терского казачества содержат детали наиболее значимых военных событий XIX века, которые не встречаются в других источниках, а также передают отношение к этим событиям участников и современников³.

Исключительным явлением российской истории начала XIX века стала борьба с Наполеоном. Победа в Отечественной войне 1812 г. буквально перевернула Россию, оказала влияние на рост национального самосознания, общественного движения, культуру и др. Это событие нашло отражение в фольклоре всех народов, прежде всего, европейской части страны. Не стали исключением и казаки региона.

Отметим, что собственно терцы в военных действиях с французами не участвовали. Но достаточно подробные описания некоторых сражений и личностей свидетельствуют о том, что терские казаки о них хорошо знали, по-видимому, от донцов, которые сражались с войсками Наполеона как на территории России, так и за её пределами в 1812–1814 гг. Фольклорные произведения о войне с Наполеоном появлялись на Тереке и вместе с донцами-переселенцами. Донское войско на протяжении XVIII – первой половины XIX в. выступало своеобразным донором по отношению к тем казачьим формированиям, в частности, терским, которые длительное время охраняли государственную границу на юге и несли большие потери. В начале XIX в. на Терской пограничной линии было неспокойно. «Немирные» горцы совершали набеги, которые казаки должны были отражать. Эти действия для них считались главными, и поэтому мобилизации в армию, действовавшую на территории Центральной России, они не подлежали. Однако жители региона

³ В статье использованы не только опубликованные тексты, но и полевые материалы Е.М. Белецкой, собранные в терских станицах Шелковского, Наурского, Сунженского районов Чечено-Ингушской АССР, Моздокского района Северной Осетии в 1960-х – начале 1990-х гг.

не остались в стороне от общенационального подъёма, охватившего страну: здесь собирали деньги, продовольствие, фураж на нужды армии.

В Отечественной войне в ряде сражений и лихих налётов на французские войска прославился атаман донских казаков Матвей Иванович Платов, о котором в народе ходили легенды. Одна из таких легенд послужила основой песни «Платов в “гостях” у француза», известной в разных регионах России, записанной и на Тереке в конце XIX в. В её основе лежит эпический мотив: переодетый герой проникает неузнанным в стан врага. Песня повествует о вымышленном событии (Платов не был в «гостях» у Наполеона), но описанная ситуация соотносится с действиями казаков во время войны 1812 г. в расположении неприятельских войск. Они вели разведку и бои местного значения, нападали на вражеские обозы, проявляя мужество, военную хитрость и смекалку⁴. Песня свидетельствует об отношении казаков к французам, которым достаются самые нелюбимые характеристики. Начинается текст обращения к России, для которой война стала тяжёлым испытанием:

Ты Россия, ты Россия,
Ты Российская земля!
Ты Российская земля,
Много горя приняла,
Много горя, много нужды –
Невозможно вспомнить!⁵

Поведение Платова соотносится с традиционным описанием действий былинных богатырей, хвастовству и бахвальству врага противопоставляются простота и скромность героя. Француз, к которому заезжает переодетый в купца Платов, угощает его и обращается с просьбой:

Француз на ноги встал,
Чару вина наливал,
Чару вина наливал, —
«Купчиною» называл:
— Ты, купчина-любчина,
Ты купеческий сын!
Я ведь всех из вас знаю
Генералов и господ, —
Одного из вас не знаю
Я Платова — казака:
Кто бы его мне указал,
Много тому казны бы дал!
— Зачем казнушку терять, —
Его так можно узнать:

⁴ Песня «Платов в “гостях” у французов» записывалась не менее 125 раз в разных регионах России. 90 песен и более 30 рассказов (легенд, преданий, анекдотов) опубликовано в сборнике: Атаман Платов в песнях и преданиях. 2001.

⁵ Там же. С. 103.

Его личко – бело личко,
Ото всех господ отличка;
Чёрны брови у него,
Как у дяди моего.
Чёрны кудри у него,
Как у брата моего.

Заключают песню уничижительные слова «купчины»:

–Ты карга, шельма, ворона,
Ты французский Бонапарт!
Не умел, карга-ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать –
На правой руке держать...⁶.

Об Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе сообщает ещё одна песня – с ней русская армия вступила в Париж в 1814 г. (автор – поэт и гвардейский офицер Н.С. Марин).

Пойдём, братцы, за границу
Бить отеческих врагов,
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним век её золотой.
Славный век Екатерины
Нам напомним каждый час,
Те поля и те долины,
Где бежал от русских враг.
Вот Суворов где сражался,
И Румянцев где разил;
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.
Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал,
И как славно наше войско,
Целый свет об том не знал!
Между славными горами
Устремимся дружно в бой:
С лошадиными хвостами
Побежал француз домой.
За французом мы дорогой
И к Парижу будем гнать,
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.
Тут-то мы расположимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся
За народ свой и царя⁷.

⁶ Песня была записана в ст. Бороздинской; её вариант – в ст. Галюгаевской. Исторические песни на Тереке... 1948. № 82–83. С. 81–82, 82–84; коммент. – с. 132.

⁷ Там же. С. 84.

Эта песня вошла в фольклор казаков Терека; её слова оказались созвучны как представлениям казаков о самом событии, так и оценке главных исторических деятелей и полководцев конца XVIII века.

Гораздо больше в фольклоре казаков Терека песен, связанных с военными действиями на Северном Кавказе. Однако не все важные для историков события попали в песенный фольклор. Это происходило по разным причинам: 1) они не воспринимались как достойные воспевания; 2) на их фоне разворачивались другие события; 3) их воспроизведение было слишком сложным для коллективного фольклорного сознания.

Военные действия, происходившие на Северном Кавказе в первой половине XIX в., оцениваются историками весьма неоднозначно. Чаще они именуются «Кавказской войной», а также народной /национальной /освободительной /антиколониальной /антифеодальной борьбой, религиозным и цивилизационным конфликтом, кризисом и даже модернизацией. Неоднозначность русско-северокавказских отношений, их специфика рассматривается и в системе такого понятия, как «российскость», которое предполагало как партнёрство (совместничество), так и соперничество (в различных формах) и приводило к разным последствиям⁸. Казаки Терека вместе с частями российской армии участвовали как в отражении набегов горцев на свои станицы, так и в походах в Затеречье.

В первой половине XIX в. в жизни казачества Терека произошли серьёзные перемены. Начало их связано с деятельностью А.П. Ермолова, назначенного главнокомандующим образованного в 1816 г. отдельного Грузинского (затем Кавказского) корпуса. Ермолов приступил к планомерному продвижению вглубь горских территорий, наметил план действий, который включал в себя оборудование баз и плацдармов, постройку дорог, возведение укреплений и создание новых казачьих станиц на территории Дагестана и Чечни, отошедших к России по условиям Гюлистанского мира. Его имя зазвучало в фольклоре, однако песни чаще передавали разговоры горцев о Ермолове, но исполнялись на русском языке и перешли в фольклор из литературных источников.

В песне «Садися, муж мой, на коня», опубликованной М.А. Карауловым как «чеченская песня» (в действительности – текст литературного происхождения, потерявший в устном бытовании имя автора), звучал призыв отразить незваных гостей. Горец-муж остаётся защищать свой дом («Ермолову преграды нет, – /Меня убьют, я это знаю... /Но я никак своим врагам /Без боя сакли не отдам!»), а семья должна спрятаться в лесу:

⁸ Авраменко, Матвеев, Матющенко, Ратушняк 1995; Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». 2007; Виноградов 2007; Латин 2008; Савельев 2011; Муханов 2009; Дегоев 1999; Клычников 2008; Основные направления историографии Кавказской войны... 2007. С.132–135; Великая 2007; Дударев 2013 и др.

«...Нам русский враг готовит сети:
Ермолов рать свою ведёт,
Но он в лесу вас не найдёт». – «К чему же ты их станешь ждать?
Беги скорей, беги ты с нами!
Опасней грома русских рать:
Они убьют тебя штыками, –
Тебя отвага не спасёт,
Когда Ермолов их ведёт»⁹.

Образ Ермолова не нашёл восторженного отражения и в собственном казачьем фольклоре, и не случайно: ведь едва ли не первыми его решениями в регионе стали преобразования в казачьих войсках. В 1818 г. самоуправление лишилось Гребенское войско. Жизнь казаков всё более регламентировалась, что не могло не вызывать недовольства. На казачество возлагались всё новые повинности (постоянная, подводная, дорожная, паромная и др.), что казачьим самосознанием было зафиксировано в пословице: «Служба казачья, а жизнь собачья!». Пик военных действий на Северо-Восточном Кавказе пришёлся на вторую четверть XIX в., когда движение горцев приобрело организованные формы под руководством имамов Кази-Муллы, Гамзат-Бека и Шамиля. Сюжеты, связанные с тем беспокойным временем, содержали как полные описания военных действий, так и отдельные отклики, воспевавшие храбрость, отвагу, бесстрашие казаков, проявленные в сражениях.

По мнению Ю.Н. Кононовой, военные песни казаков во многом основывались на исторической памяти. К архаичным чертам фольклорных представлений о противнике относится архетип захватчика, которому при встрече *нет пощады и нет спасенья*; с которым казак должен *рубиться, насмерть биться*. Живучей оказался термин «басурмане» («бусурмане»), произошедший от названия мусульманских купцов-откупщиков «бесерменов», которые собирали на Руси дань для Золотой Орды. Со временем он стал обозначать любых недругов, вне зависимости от национальной принадлежности. То же можно сказать о слове «орда». Противник у казаков именовался незванным гостем. Битва рассматривалась как праздник. Эти представления, характерные для восточных славян, были сохранены терским казачеством и в XIX в.¹⁰

В казачьей песне могли объединяться несколько сюжетных ситуаций. Так, например, песня «Светила заря поздно вечером», связанная с именем майора Зачётова, который был атаманом Гребенского войска с конца XVIII в. до 1818 г., содержала два мотива: бегство из плена и

⁹ Караулов 1912. С. 145–146. Близкий вариант был записан от Резниковой А.П., 1910 г.р., ст. Терская Моздокского р-на СОАССР, в 1979 г.

¹⁰ Кононова 2014. С. 21–23.

наступление на горцев. Возможно, исторической основой сюжета стало сражение казаков с горцами в 1799 г.; песня могла быть связана и с более поздним походом Ермолова в Большую Чечню:

Светила заря поздно вечером;
 Посвети-ка ты, заря, пока взойдёт
 Батюшка светел месяц,
 Чтобы было видно мне, молодцу,
 Идти мне из неволюшки.
 Из неволюшки идти,
 С чужой дальней сторонушки –
 С большой Чечни, с большой Атаги¹¹.

Плен и пленопродавство, как и бегство из плена, получили широкое распространение в регионе в рассматриваемый период¹², поэтому не случайно эти явления нашли отражение в казачьем фольклоре.

В той же песне сообщалось, что атагинцы собирались с ханкалинцами, ханкалинцы – с алдадинцами; *порыли себе шанцы глубокие, подедали себе завалушки высокие, не хотели пустить силу-армянушку*. Это, по-видимому, одна из ранних песен о сражениях с горцами: её поэтика близка к былинным песням. Она заканчивается выражением верой в успех сражения: Зачётов пойдёт впереди с *острой шашечкой* наголо, с призывом разбить *«силу неверную»*. Эпизоды «Кавказской войны» отразились и в иных песенных текстах. Со временем полный сюжет нередко сокращался. Так, например, в песне «В двадцать перво(е)м году» рассказывалось о возникновении крепости Алхан-юрт в ответ на подготовку Шамиля к нападению на русских:

В двадцать первом году
 Набирал Шамиль орду.
 Он набрал, набрал чеченцев
 И сказал: на смертный бой...
 Мы там лагерем стояли,
 Где чеченский был приют.
 Мы там крепость утвердили
 И назвали Алхан-юрт¹³.

Сюжетная ситуация «Генерал отдаёт приказ о наступлении» изображена в песне «То не соколы крылаты» и её вариантах («По линеюшке Кавказа», «Вдруг ударил гром из пушек» и др.) Песня «Чёрный ворон был крылатый» содержит и напутствие атамана перед походом:

Чёрный ворон был крылатый,
 Чует солнечный восход.
 Царя белого казаки

¹¹ Исторические песни на Тереке. С. 77.

¹² См.: Клычников, Цыбулькинова 2011.

¹³ Крымова А. И., 1898 г.р., ст. Мекенская, 1978 г.

Собиралися в поход.
Наш походный атаман
Он по войску разъезжал.
Он по войску разъезжал,
Речь хорошую сказал:
– Вы не бойтесь, казаки,
Басурманскую орду.
– А нам нечего бояться
Басурманскую орду¹⁴.

Частое упоминание в казачьих песнях белого царя (как и орды, басурман и др.) имеет давнюю традицию. Он встречается в источниках, по крайней мере, с XVI в. у восточных (тюрко- и монголоязычных) народов для обозначения далёкого и могущественного правителя, а в русском фольклоре и православной традиции – это идеальный государь, воплощение всех светлых черт¹⁵. Очевидно, что такая традиция поддерживалась церковью и насаждалась иными институтами в среде казачества с петровских времён, когда Гребенское войско, перейдя в подчинение Военной коллегии (1721), включилось в состав вооружённых сил России.

Основной мотив песни «Тихой ночью осенью» – готовность казаков к походу:

... Скоро, скоро нам в поход,
Зима наступает.
Злой Шамиль зовёт на бой,
Зовёт, вызывает.
Мы готовы, братцы, хоть куда,
На конях орлами.
Был бы с нами Воронцов,
Он пример покажет,
И навешает крестов,
И спасибо скажет¹⁶.

Образ мужественного, доблестного, справедливого военачальника, под началом которого казаки готовы сражаться, встречается во многих песнях, и это не случайно. Отряды казаков испокон веков возглавляли выборные атаманы, свои же станичники, поэтому отношение к ним было иное, чем в других воинских подразделениях. Такой тип отношений во многом сохранился и в XIX в., когда командиры уже назначались.

В песнях казаков о «Кавказской войне» отразились различные события, от начальных военных эпизодов до заключительных сражений. Они составляют линейный (хронологический) цикл. Со временем содержание текста могло несколько измениться. Так, например, песня

¹⁴ Калашникова Е.И., 1909 г.р., ст. Троицкая, 1977 г.

¹⁵ *Трепавлов* 2007. С. 3. Исполнители объясняли, что царя называли белым, ели при нём семь лет подряд не было войны.

¹⁶ Уманцев А.И., 1898 г.р., ст. Гребенская, 1966 г.

«В двадцать первом году /Набирал Шамиль орду...» имела и другой зачин: «в тридцать первым году». По-видимому, имя Шамиля, более популярное в истории и фольклоре, вошло в песню позже, когда он стал имамом и возглавил «священную войну» против России.

Первым имамом на Северо-Восточном Кавказе был Кази-Мулла (Гази-Магомед). Сначала он был имамом в родном ауле Гимры, затем стал проповедовать мюридизм в других горных аулах. К концу 1820-х гг. его взгляды получили значительное распространение, он провозгласил себя имамом всего Дагестана и Чечни и объявил газават («священную войну») Российской империи. В 1832 г. во время штурма русскими войсками аула Гимры он был убит. Казакам не раз приходилось вступать в бой с войсками мюридов. Но в песенный фольклор вошло сражение с Кази-Муллой, где упоминается полковник И.Д. Волженский. Он был командиром Гребенского войска в 1829–1832 гг. и погиб в бою с превосходящими силами противника. После очередного набега на Терек Кази-Мулла возвращался в горы. Волженскому, давно и безуспешно искавшему с ним встречи, на этот раз удалось напасть на след. Отряд казаков погнался за горцами по направлению к Гудермесу, но в лесу за Терекком попал в засаду. После продолжительного ночного боя гребенцам с большим трудом удалось пробиться к Тереку. Песня начинается с описания движения Гребенского полка, поднятого по тревоге в станице Червлённой:

Пыль клубится по дороге
Тёмной длинной полосой:
Из Червлённой по тревоге
Скачет полк наш Гребенской.
Скачет, мчится, точно буря,
К Гудермесу подскакал,
Где Кази-Мулла с ордою
В десять тысяч его ждал.
Полк не дрогнул, увидавши
Таку силу пред собой;
Шашки вынул и помчался
На бой смертный с той ордой.
Храбрый Волженский полковник
Первый врезался в орду,
И с полком он там метался,
Точно будто был в чаду.
Все рубились, на смерть бились,
Удалые гребенцы;
Храбрый Волженский полковник
Кричал: «Браво, молодцы!».
Орда дрогнула, бежала,
Мы помчались за ней.
Но ждала нас там засада
Из отважных их людей.
Мы засаду ту разбили

И шли дальше шаг вперёд,
Но не знали, что в овраге
Нас другая беда ждёт.
Собиралися чеченцы
Все отважные бойцы, –
Вот от них-то пострадали
Тогда наши гребенцы.
Залп раздался, отвечали
Двумя пушками ему:
Бой отважный тут начался...

Описание военных действий прерывается характеристикой морального состояния сражающихся: *«Здесь забыли мы жену. / Здесь забыли матерей, / Сестёр, братьев и отцов, – / Только помнили одно – / Славу дедов-гребенцов».*

Справа, слева обходили
Храбрый полк наш Гребенской.
Тут Волжанского убили,
Тут-то кровь прошла рекой...
...Полк рубился, на смерть бился
С тем бесчисленным врагом;
Враг от страху расступился,
Путь открылся пред полком.
Полк промчался к переправе,
Что за Тереком была;
Там кричали нам солдаты:
«Честь и слава вам, ура!»¹⁷

Гребенцам удалось выйти из боя, но потери были велики. Как видно из текста, казаки не только прославляли геройское поведение станичников и подвиги военачальников, но и объективно характеризовали тех, с кем сражались, отмечая их отвагу. Это сражение не случайно попало в казачью историю, хотя победой его назвать нельзя (гребенцы вырвались из окружения). Но именно большие потери способствовали воспеванию погибших храбрецов, стоявших до конца, воодушевляя их родных и близких. Эта своеобразная компенсаторная функция песни была в данном случае, на наш взгляд, главной, хотя не следует забывать и о функции социальной памяти, которую выполняли и другие подобные фольклорные произведения.

После смерти Кази-Муллы имамом стал Гамзат-бек (1832–1834), а после его гибели Шамиль, главный противник царской власти в регионе в 1834–1859 гг. Именно в это время на Северо-Восточном Кавказе происходили наиболее кровопролитные события. Шамилю удалось создать государственное образование горцев Чечни и Дагестана – имамат. Во главе округов (наибств) он поставил преданных ему людей (наибов),

¹⁷ Исторические песни на Тереке. С.87–88.

предоставив им право производить суд и расправу над подвластным ему населением. Было установлено всеобщее вооружение народа, взимались налоги, в противоположность адатам (обычаям) насаждался шариат, хотя не все горцы желали подчиняться имаму. В 1837 г. во время поездки на Кавказ император Николай I выразил желание встретиться с Шамилём и прекратить кровопролитие, но все попытки убедить последнего приехать в Тифлис оказались тщетными¹⁸; этому противодействовали горские верхи, грозившие убить Шамиля, если он поедет в Грузию.

В 1839 г. российские войска двинулись в Ахульго, где находился имам, и взяли аул. Но Шамиль бежал в Чечню, его резиденцией стал аул Дарго. В 1840-е гг. Шамиль нанёс ряд поражений царским военачальникам в Чечне и Дагестане. Пролагаемые российскими войсками просеки и строительство новых укреплений на занятых землях способствовало постепенному сокращению территории имамата. В период Крымской войны (1853–1856) Шамиль рассчитывал на помощь Турции, но его надежды не оправдались. Понесённые потери, неудачи и деспотическое правление Шамиля, доводившее горцев до разорения, убедило их в бесперспективности сопротивления. Оставшись без войска, Шамиль укрылся в ауле Гуниб, где в 1859 г. сдался в плен князю А.И. Барятинскому. Шамиль вошёл в историю как один из самых талантливых военачальников, предводителей горцев. Сражения с ним отмечены в фольклоре казаков и горцев.

Песня «Генералу Физи» (Фези) относится к событиям 1837 года, когда российской армии удалось совершить ряд походов в Чечню и Дагестан. Она была «переведена с татарской речи» казаком станицы Слепцовской П. Гранадчиковым. В ней описываются беды, которые несёт горцам русское войско (вариант текста приводится по рукописному сборнику червлёных казаков конца XIX в.¹⁹, где после каждого куплета повторяются слова «Делалай, делалай»):

Горе нам, Физи с войском стремится,
Где бы нам, как бы нам, братцы, укрыться?
Мы в горы, мы в лес, они все за нами,
Бьют нас и режут, колют штыками.
Прежде, как Физи к нам не являлся,
Прийти, нас найти русский боялся.
К нам пришла, нас нашла грозная сила,
От неё может скрыть лишь одна могила.
Скот гонят, в плен берут, палят селенья,
От неё стон и плач, нет нам избавленья.

В связи с этим отметим, что у казаков создавались не только песни, содержащие их взгляд на события «Кавказской войны», но и песни с

¹⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 146.

¹⁹ Сборник казачьих песен... С. 142; Рукописный сборник песен казаков-конвойцев (Рогожина, Пимичева, Феньева) из ст. Червленной, № 18 (далее – РС).

представлениями горцев о тех же событиях. Очевидно, это связано с тем, что часть казаков были северокавказского происхождения, да и остальные во многом сохраняли ментальные представления, близкие горским. Пребывание царских войск и в казачьих станицах рассматривалось как бедствие, что отразил Л.Н. Толстой, как очевидец событий²⁰.

Бой под аулом Ахульго, где под началом Шамиля находились более 5 тыс. горцев, также нашёл отражение в фольклоре. Отряд генерала П.Х. Граббе после десятидневной осады и кровопролитных штурмов пятым по счёту приступом 22 августа 1839 г. захватил укреплённый аул. Потери русских войск составили около 550 человек; среди них оказался командир Моздокского казачьего полка полковник Власов, который был убит при штурме Сурхаевой башни. Об этом событии пелось в казачьей песне «Как не травушка, не муравушка». Она представляет собой перечисление типичных для фольклорных произведений «общих мест»: это зачин с отрицательным сравнением (*не травушка к сырой земле клонится – царя белого армеюшка богу молится*), начало боя (*армия на удар пошла*), его продолжительность («*Как и билися и рубилися целый день до вечера, и тёмную ноченьку до белой зари*»). Заканчивается текст сообщением о погибших: *Да и много ж там побито! / И убили полковника Власова, / Да и там же с ним убили / Урядничка Дикова*²¹.

Примечательно, что в песнях рассматриваемого периода персонафицировались казачьи командиры (генералы, полковники, урядники и др.), под руководством которых казаки шли в бой. Назывались и погибшие командиры. В то же время остальные – это обезличенные «они», которые бились, рубились и погибали в сражениях без счёта.

Среди военно-исторических песен периода «Кавказской войны» чрезвычайно популярной была песня о Зырянском (Зирянском) сидении, повествующая о том, как в ноябре 1843 г. отряд полковника Пассека был окружён в Дагестане большими силами горцев под командованием Хаджи-Мурата и героически оборонялся в течение месяца, до прихода подкрепления. Описания лишений героических защитников Зирян, небольшого укрепления в горном Дагестане, отражены в песне «Ну-ка, вспомните, ребята», популярной и за пределами Кавказа. В одном из вариантов она начиналась так: «*В горах скалистых и обширных, / Где голод царствовал кругом...*», а далее шло описание положения осаждённых:

Мы рогатую скотину
Начисто перевели,
Стали есть мы лошадину,
И варили, и пекли;
Вместо соли мы солили

²⁰ Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1852 года). С. 142, 176–177.

²¹ Исторические песни на Тереке. 1948. С. 89.

Из патронов порошком;
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком.
Мы рогожи надевали
Вместо бурок и плащей,
Ноги в кожи зашивали
После съеденных коней²².

Впоследствии это описание лишений стало переходить из одной исторической песни в другую²³. О трудностях сражений, которые завершились окончательной победой над Шамилём, повествует песенный сюжет «Было дело на Кавказе», в котором отмечается бесстрашие казаков, не боявшихся метких пуль, и необходимость рубки леса:

Только лесом да горами
Было двигаться трудней.
Много лесу порубили,
Изрубили его тьму.
Уж досталось поработать
Нашей шашке, топору²⁴.

В песенном фольклоре казачества многие сражения, так или иначе, связаны с личностью Шамиля. Наиболее выразительный образ предводителя горцев казаки создали в песне «Эй, сунженцы-молодцы», в которой рассказывается об успешном взятии двух важных в стратегическом отношении аулов Большой Чечни и крупном поражении войск Шамиля, который лично участвовал в этом сражении. В апреле 1846 г. Шамиль во главе десяти тысячного отряда пеших и конных горцев предпринял поход в Кабарду, который закончился неудачей. В песне об этом походе характеризуется состояние готовности казаков к бою и веры в победу:

Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать:
Полк отважный наш Моздокский
Не учился отступать.
...И Шамилеву таланту
Мы потачки не дадим,
И у нас, на левом фланге,
Пользы мало будет им²⁵.

Таким образом, в казачьих песнях говорилось о военном таланте Шамиля, его хитрости. Это не единственный пример того, что казаки отдавали должное противнику, не принижая его достоинств.

Ещё одно событие «Кавказской войны» изображено в песне «Тёмной ночью зазвонили» («Дело гребенцов 24-го мая при деревне Ак-

²² Тамазин Л.А., 1902 г.р., ст. Гребенская, 1966 г.

²³ Полное описание (68 строк) см.: Исторические песни. 2001. С. 316–318.

²⁴ Исторические песни. 2001. С. 355.

²⁵ Исторические песни на Тереке. 1948. С. 90–95.

Булат-Юрт 24 мая 1846 г.)). Эта казачья военно-историческая песня соединила большую точность в передаче событий, подробностей, имён участников с попыткой дать обобщённую правдивую картину боевой, полной тревог, станичной жизни и настроений казаков 1840–1850-х гг.

Содержание песни отражает одно из крупнейших столкновений гребенских казаков с горцами на Тереке. 23 мая 1846 г. Шамиль выступил из селения Шали на р. Мичик. Узнав об этом, командовавший левым флангом Кавказской линии генерал Фрейтаг приказал командующему Гребенским полком подполковнику А.А. Суслову собрать казаков в Амир-Аджи-Юрте, но тот, не обнаружив неприятеля, повернувшего назад, и рассчитывая на скорое прибытие подкреплений, 24 мая переправился на правый берег Терека и во главе отряда из 87 человек с семью офицерами бросился в погоню. Показавшиеся вскоре неприятельские посты, а за ними конница, с гиком напали на небольшую группу гребенцов. Казаки спешили и мгновенно были окружены 1500 горцами. Разыгралось знаменитое «Суловское дело», слава о котором впоследствии разнеслась далеко за пределы Кавказа. Организатором обороны был есаул Афанасий Фёдорович Комков (Камков). Казаки, сбатовав (связав взаимно), а частью зарезав коней и расположившись за этим живым завалом, несколько часов вели неравный бой. Ожесточённые такой дерзостью казаков, горцы многократно повторяли свои атаки, но им так и не удалось «врезаться в среду дружно сплотившихся, плечом к плечу, героев», несмотря на то, что вскоре все офицеры, кроме Сулова, и большая часть казаков были ранены. Патроны кончались, но никому и в голову не приходила мысль о сдаче. Прибывшее подкрепление (25 казаков с хорунжим Груняшиным и показавшиеся со стороны Куринского укрепления 60 донцов и за ними 3 пехотные роты) заставило чеченцев прекратить атаки и отступить. Гребенцов было убито 4, ранено 43; лошадей убито: все офицерские и 77 казачьих и ранено 5, причём в каждой убитой лошади оказалось в среднем по 8 пуль²⁶.

Песня о «Суловском деле» начинается с описания сигнала тревоги, нарушившего ночную тишину:

Тёмной ночью зазвонили
Сильно в колокол большой,
Встрепенулася станица,
Нарушив ночной покой.
Жены бросились в конюшни
Оседлать борзых коней,
Чтобы дать мужьям возможность
Быть на месте всех скорей.
И все мчатся к колокольне,
Молодые, старики.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Белецкая 2012*.

А на Тереке далёко
Слышны отзвуки стрельбы.
Не успели все собраться,
Уже Суслов прискакал,
И без строя понеслися
Кто и как куда попал²⁷.

Текст песни насыщен не только историческими подробностями; он содержит и географические ориентиры:

Живо Терек переплыли
За станицей Щедрином,
И совсем ведь позабыли,
Что тут близко есть паром.
Ак-Булат-Юрт миновали,
Видим всадников вдали.

В этой песне отражается не только ход событий, но и мотивы действий: казаки проскакали 20 вёрст – «*каждый хочет отличиться, чтоб попасть в передний строй*»; увидев всадников вдали, «*перестрелку завязали, они <всадники> были таковы*». Затем казаки, «*налетели на засаду*», стали строиться в каре, но прозвучала зычная команда А.Ф. Камкова: «*Положите лошадей!*». Отмечены изменения в состоянии казаков, приготовившихся к неминуемой смерти, которым после этой команды «*как-то стало веселей*»: «*Полегли между конями, / Ружья вынул наголо, / И удачно отражали / Мы злодея своего*». Слова Камкова – «*... Не бойтесь, братцы! / Не сломить им Гребенцов!*», ожидание отчаянного налёта и – вестовая ракета идущих на подмогу, наконец, заключительные слова песни передают весь накал боя и его значимость:

... Так мы бились три часочка
Против тысяч полторы,
Не отдав им ни кусочка
Нами занятой земли.
Много наших там побито,
Раны ж нечего считать,
Слава древняя добыта,
Горцы будут её знать.
Вспомним храброго Камкова,
Вспомним Сулова-отца:
Мы у Гребня все готовы
Служить правдой до конца²⁸.

Эти подробности свидетельствуют о том, что большую часть военно-исторических песен в XIX в. казаки или их командиры сочиняли по

²⁷ Текст, записанный в 1981 г. в станице Червленной почти без изменений от Я.С. Мишутушкина, 1900 г.р., на этом завершается; в сборнике Ф.С. Панкратова (Гребенцы в песнях. С. 75–77) представлено полное описание этого сражения (см.: Исторические песни на Тереке. С. 91–93).

²⁸ Исторические песни на Тереке. С. 93.

горячим следам событий, нередко записывая текст. Затем разучивали и часто исполняли, в результате чего песня входила в устный репертуар.

Рассказ о событиях «Кавказской войны» продолжают две казачьи песни – «Поход на Аргун» и «Взятие аулов Автуры и Гельдиген». Они отражают борьбу за Шалинскую поляну, закончившуюся крупной победой в январе 1851 г., и успешный штурм отрядом под руководством князя А.И. Барятинского аула, где располагались артиллерийские орудия Шамиля и продовольственные склады, в 1852 г. Подтверждением тому, что песня «Взятие аулов Автуры и Гельдиген» создана сунженскими казаками, участниками сражения служат начальные строки:

Эй, сунженцы-молодцы,
Вспомним, как недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно.
За Аргуном, за рекой,
В стороне чеченской
Мирно двинулся наш строй
В светлый день крещенский²⁹.

Упоминается в тексте князь М.С. Воронцов, который «*ободряет молодых, действует героем*», и князь Барятинский, с именем которого связано окончание военных действий на территории Северо-Восточного Кавказа, пленение Шамиля, что нашло отражение в казачьих песнях «Шамиль вздумал бунтоваться», «Было дело на Кавказе» и «Вот послушайте-ка, братцы». Особенно популярной была первая песня, начало которой Л.Н. Толстой включил в рассказ «Набег»: песенники, стоя полукругом перед офицерами, расположившимися на бурках, «с присвистом играли плясовую кавказскую песню на голос лезгинки: «Шамиль вздумал бунтоваться / В прошедшие годы... / Трай-рай, ра-та-тай... / В прошедшие годы»³⁰. Сатирический образ Шамиля, сохранившийся в ряде казачьих песен, очевидно, не случаен и был связан с его сдачей в плен, что казаками никогда не приветствовалось в собственной среде. Такое же отношение к капитуляции было и у горцев региона.

В 1844–1854 гг. генерал М.С. Воронцов – главнокомандующий войсками на Кавказе и наместник с неограниченными полномочиями. Ещё в 1803 г. он был прикомандирован к кавказским войскам, во главе которых стоял тогда князь Цицианов. Прибыв на Кавказ во второй раз, он вскоре отправился на левый фланг Кавказской линии, для принятия начальства над войсками, готовившимися к походу против Шамиля. Под предводительством Воронцова в 1845 г. войска двинулись к временной резиденции Шамиля – аулу Дарго. Но Даргинская экспедиция, сопровождавшаяся

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Толстой Л.Н. Набег. Рассказ волонтера. С. 16.

колоссальными жертвами и лишениями, не достигла цели, так как Шамилю удалось покинуть аул. В исторической литературе даргинский поход оценивается как крайне неудачный³¹, но в то же время в казачьем фольклоре он изображается как победоносный. Песня об этой экспедиции, «Даргинский марш» (Воспоминание о походе в Дарго в 1845 г.), сохранилась в рукописном сборнике казаков-линейцев:

Указал Царь Православный
 Цель похода нам в Дарго:
 Там приют Шамиля давний,
 Логовище там его...
 Предстоит ещё бой главный,
 Но кавказцам – ничего!
 Царь-Отец наш, верно, скажет
 Нам «спасибо» за труды:
 Всяк из нас ему докажет,
 Что его достойны мы.
 Ура! граф Воронцов!
 Ура! Ура! Ура!
 Мы шагнули молодцами
 Через Андийские врата.
 Царские знамёна с нами
 Возле снежного хребта.
 Против шашек, пуль, штыками
 Дружно грядём мы «ура!»
 От маршей мы отдохнули:
 Братцы, нам в Дарго пора!
 ...Воронцов ведёт нас к бою
 И лелеет как детей,
 Сам от холода и зною
 Терпит больше всех людей.
 Барабан зовёт к покою, –
 Он не спит среди ночей.
 Вот пришли, – теперь, штык славный,
 Встрепенись, – тебе пора!
 Враг бежит: на всех страх равный
 Ты нагнал, наш граф! Ура!
 Ура! Граф Воронцов.
 Ура! Ура! Ура!³²

В песне отмечается, что М.С. Воронцов разделяет с армией страдания и лишения. На долгие годы сохранились среди солдат и казаков рассказы о простоте и доступности командующего. После его смерти там возникла поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер».

С 1856 г. главнокомандующим войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместником стал генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский.

³¹ История народов Северного Кавказа... 1988. С. 150–151.

³² РС, № 76. См. более полный вариант: *Караулов* 1912. С. 264.

Службу на Кавказе он начал ещё в 1835 г. Ему удалось сломить сопротивление войск Шамиля и закончить многолетнюю войну. Его имя по праву вошло в казачьи песни. Героем песен был и наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска генерал-майор Ф.А. Круковский. На этом посту его боевые и административные качества проявились в полной мере и заслужили ему любовь казаков. В его простом образе жизни «по-казачьи», в казачьей одежде они видели уважение к своим обычаям, к ним самим. Будучи католиком, Ф.А. Круковский каждое воскресенье вместе с казаками ходил в православную церковь. Его отличали храбрость, честность, простота в образе жизни, он часто помогал нуждающимся. Казаки считали его своим (казачьего рода), он и происходил из украинских казаков, со временем окатоличенных. В перестрелках с горцами он всегда оставался в седле, и когда его убеждали сойти с коня, говорил, что так ему виднее следить за противником. В 1852 г. он принял участие в последней экспедиции и погиб под Урус-Мартаном³³. О подвигах Ф.А. Круковского и его трагической гибели казаки слагали песни.

Начало песни «Поход на Аргун» свидетельствует о том, что обобщённое название казаков Северо-Восточного Кавказа (терцы) уже существовало в это время (до создания Терского войска в 1861 г.), а также об успешной практике совместных действий:

Братцы-терцы, нам не трудно
Про Аргун песню сложить,
Можно скоро и не худо
Нам победу подтвердить.
Славно, ребята, славно, терцы!
Браво, браво, молодцы!³⁴

Военно-исторические и военно-бытовые песни у казаков региона составляли единый цикл, со временем забывались конкретные исторические детали и оставались лишь общие описания, чаще всего – мотив смерти в сражении. Смерть на поле боя в фольклорных произведениях традиционно сопровождалась обращением к товарищам, но если в военно-бытовой лирике это была просьба передать поклон жене, то в военно-исторических песнях обращение наполнено совсем иным содержанием:

«Уж вы, братцы-казаки,
Не покиньте вы меня
На поругань подлецам;
Вы возьмите моё тело
На бурочку на мою,
Понесите моё тело
В кладбище Мартанское!»³⁵

³³ Подробно о жизни и смерти Ф.А. Круковского см.: *Матвеев* 2005. С. 319–333.

³⁴ Исторические песни на Тереке. С. 93.

³⁵ Исторические песни. С. 325.

Устойчивый мотив – «моё тело не покиньте» – свято исполнялся казаками, которые всегда стремились вынести всех погибших с поля боя и похоронить в родной станице.

Предсмертная речь генерал-майора Ф.А. Круковского в казачьих песнях содержит не только указание места похорон, которое в вариантах может меняться, но и ритуальные подробности:

Положите моё тело
Во гробницу дубову,
Вы накройте моё тело
Белым тонким полотном.

Дальнейший текст песни представляет собой редкий случай подробного описания воинских почестей:

Приведите, мои братцы,
Орудия с лошадыми,
Вы поставьте, мои братцы,
Все орудья в один ряд,
Да ударьте, мои братцы,
Со всех пушек в один раз!³⁶

В более полном варианте песни сохранилась и напутственная речь Круковского перед сражением, и описание смертельного ранения, и его последнее обращение:

– Уж вы, братцы, вы да мои братцы,
Сунженцы, гребенцы!
Не покиньте да вы мою телу
На поругу врагам-подлецам,
Вы возьмите тело, положите
На чёрную бурочку.
Понесите да вы мою телу
В большу крепость Кохановску.
Эй, выройта мене могилу
Вы широко, глубоко,
Опуститя да вы мою телу
Во могилу глубоко.
Эй, приударьте да вы, мои братцы,
Из орудий до трёх раз,
Прокричите, да вы, мои братцы,
Крюковской кончил свою жизнь.
Прокричите, да вы, мои братцы,
Кончил жизнь свою за Кавказ³⁷.

Просьбы не оставлять тело врагу смертельно раненый Круковский в действительности не произносил; напротив, он беспокоился о спасении находившихся рядом с ним казаков. Его ординарец, казак Толчаинов, несмотря на слова атамана («Брось меня и спасайся сам»), не оставил его

³⁶ Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. С. 190–191.

³⁷ Широкова Е.Г., 1892 г.р., ст. Старый Щедрин, 1972 г.

и был изрублен горцами вместе с казаками конвоя; Круковского доби́ли пашками. Однако стремление не допустить надругательства над погибшими товарищами во многом определяло воинский быт кавказских войск, даже если это влекло за собой новые потери. Казаки любили своего атамана, который всегда и во всём был впереди, и оплакивали его гибель. А князь М.С. Воронцов в письме военному министру писал, что если бы взять все лучшие качества у тысячи лучших военных, «то и тогда сумма их не перевесила бы этих качеств, которыми обладал покойный атаман, совершенно незаменимый для кавказского казачества»³⁸.

После создания Кавказского линейного казачьего войска возникают новые укрепленные линии, куда переселяются казаки с Терека, Дона, Кубани, государственные крестьяне, отставные солдаты, представители кавказских и иных народов. С основанием крепости Грозной в 1818 г. началось создание Сунженской кордонной линии. Власти решили укрепить её казаками Кавказского линейного и Донского войск. Среди них были как добровольцы, так и те, кто тянул жребий. Командующим линией назначили Н.П. Слепцова. В 1845 г. были построены три первые станции: Михайловская, Троицкая и Сунженская. Казаки, проживавшие по среднему и нижнему течению р. Сунжи, составили соответственно 1-й и 2-й Сунженские полки. Сунженские казаки вступили в непосредственное соседство с чеченцами, карабулаками, ингушами.

Память казачества сохранила песенные сюжеты, связанные с личностью умелого и бесстрашного командира 1-го Сунженского полка генерал-майора Н.П. Слепцова, награждённого орденами Св. Святослава 3-й, а затем и 1-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Георгия 4-й степени, золотой саблей с надписью «За храбрость». Н.П. Слепцов был убит при штурме Гехинского завала в 1851 г., после его смерти в том же году станица Сунженская была переименована в Слепцовскую.

Слепцова высоко ценили и уважали горцы, а казаки боготворили своего командира³⁹. Об отношении к отцу-командиру свидетельствуют воинские песни сунженских и гребенских казаков, в которых воспевались ратные подвиги и высокие личные качества прославленного генерала. Сюжеты песен образуют следующий цикл: 1) командир Сунженского полка посещает лагерь казаков; 2) казаки готовы к походу под началом Слепцова; 3) сунженцы возвращаются в станицу «из набега удалого»; 4) Слепцов погибает на поле боя; 5) казаки вспоминают День Слепцова.

В тихи ночи осенью казаки гуляли,
И про службицу свою песни распевали.
Скоро, братцы, нам в поход, зима наступает,
Злой Шамиль зовёт нас в бой и не унывает.

³⁸ Матвеев 2005. С. 333.

³⁹ Подробнее см.: Караулов 2008. С. 134–135.

Для нас вызов – не беда, был бы Слепцов с нами,
 С ним готовы хоть куда на конях орлами.
 Пусть объявит свой приказ, коней поседлаем –
 И готовы в дальний путь, песни заиграем⁴⁰.

Гибель 36-летнего Слепцова в 1851 г. при штурме Гехинского завала отразилась во многих казачьих песнях. Образ вечерней зари в одной из них предвещает несчастье:

Ой, да ты зря толичко была,
 Просветлая ты наша зоренька!
 Ой, да просвети толичко, зря,
 Просвети нам путь-дороженьку!
 Ой, да как у нас толичко в полку
 Ой, да всё несчастье.
 Ой, да генерал толичко Слепцов
 Лежит да он крепко раненый⁴¹.

Тема смерти на поле боя передаётся в традиционной манере, но с учётом реальных деталей: в головах – *«знамя распущенное»* (или *«лежит всё сидельце»*); в ногах стоит добрый конь, по бокам – полки снаряженные, все слепцовские (или *«войско прижуренное»*); *«Перед ним стоят / Суньжанцы, младцы казаченьки, / Стоят они, слёзно плачуть»*.

Во всех вариантах песни присутствует заключительный вопрос: *«На кого ты нас покидаешь?»* В ответе звучит фамилия Предимирова, который действительно был преемником Слепцова. В песнях книжного характера, фольклорных по бытованию, тема смерти военачальника раскрывается в ином ключе, с преобладанием патриотических мотивов:

Он орлом пред нами мчался,
 Сам повсюду успевал,
 С шашкою в толпы кидался
 И дружину поощрял.
 Из завала поразила
 Пуля меткая его.
 Наше счастье схоронила,
 Жизнь отняла у него.
 Хоть врагам мы отплатили
 И прогнали далеко,
 Но потеря командира
 В грудь запала далеко.
 Мы его несли на бурке,
 Он едва уже дышал
 И, собрав остаток силы,
 Свою волю завещал⁴².

⁴⁰ РС, № 83.

⁴¹ Польсков В.А., 1909 г.р., ст. Нестеровская, 1977 г.

⁴² РС, № 113. «В память храброго Слепцова» были созданы также песни «Что ж ты, сунженец, не весел», «Вспомним, братцы, про былое» и др.

Казачи свято хранили память о Слепцове, воспевая его неустранимость, храбрость, щедрость, доброту и справедливость⁴³. В песне «Что не соколы летают» казаки вспоминают День Слепцова, который всегда праздновали при жизни полководца:

...День Слепцова вспоминают,
Впереди полка идёт.
Он за веру, честь державы
На победу поведёт.
– Уж вы сунженцы лихия,
Дети старых храбрецов!
Не забудьте вы былое,
Старину своих отцов!⁴⁴

Оценка участия казаков в «Кавказской войне» в их песенном фольклоре однозначна: они служили России «правдой до конца», выполняя свою основную военную функцию. В песнях о «Кавказской войне» отразились наиболее важные исторические события, связанные с походами, военными экспедициями и сражениями. Но и в относительно мирный пореформенный период в станицах продолжали слагаться и бытовать многочисленные песни о воинской доблести казаков, об их подвигах, смерти на поле боя. Эти песни составляли значительную часть репертуара станиц. В них содержалась уверенность в том, что *«готовы хоть куда на конях орлами»*; будет объявлен приказ – *«коней поседлаем – и готовы в дальний путь, песни заиграем»*. Казаки были в постоянной готовности не только немедленно вступить в бой, но и стоять насмерть.

В первой половине XIX в. терские казаки участвовали главным образом в военных действиях в регионе, сыграв важную роль в процессе его присоединения к России, в освоении новых территорий. С установлением мира на Северном Кавказе их действительная служба стала проходить на внешних границах империи (турецкой, персидской, австрийской).

Во время войны 1877–1878 гг. терские казаки сражались в основном на Кавказском театре военных действий, отличившись в боях под Аладжинскими высотами, Карсом и др. 5 мая 1877 г. при штурме крепости Ардаган Горско-Моздокский полк 7 вёрст преследовал противника, казаками были взяты в плен несколько офицеров и более 100 солдат. Владикавказский полк 6 июля 1877 г. под Суботаном не только отбил неприятельскую кавалерию, вдвое превосходившую казаков, но и пробился через окружение, вынеся из боя раненых, за что полку был пожалован Георгиевский штандарт⁴⁵. Эти события нашли отражение в песнях

⁴³ Образ Слепцова нашёл отражение и в фольклоре чеченцев и ингушей, которых отдавали должное его отваге. Ещё при его жизни чеченцы давали своим мальчикам имя «Сипсо» в честь отважного генерала.

⁴⁴ Бузоверов К.А., 1909 г.р., ст. Нестеровская, 1977 г.

⁴⁵ Караулов 2008. С. 170–174.

«С богом, терцы, не робея» («День двенадцатый апреля»), «Вечер тёмный, непогожий» «Веселитесь, храбрые кизлярцы». В день объявления войны ранним утром 12 апреля русская кавалерия перешла вброд пограничную речку Арпачай (приток Аракса) в Закавказье и начала захватывать вражеские пикеты, вступая в бой там, где турки оказывали сопротивление. Некоторые турецкие пикеты при появлении русских войск сдавались без боя. Об этом рассказывает популярная песня «Поход за Арпачай», которую записывали не только в XIX, но и в XX в.:

Вечер тёмный, непогожий,
 По ущельям и скалам
 Ветерок веял холодный,
 Шёл дождь с снегом пополам.
 Там по бережку холмистому
 Путь-дороженька легла,
 По холмистым, каменистым,
 Извиваяся вела.
 Той дорожкой проходили
 На пост братцы-казаки.
 Бурки чёрные мелькали,
 И белели башлыки.
 Вдруг догнал казак с приказом.
 Он догнал и передал,
 Чтоб начальник сотню разом
 Он в поход её послал.

Дальнейшее описание содержит встречу в предрассветной мгле с полковником Маламой, который поздравил казаков с походом (в варианте – с войною) и *переправил за собою весь наш полк в турецкий край*:

Турки все беспечно спали,
 Им не снилось про войну.
 А проснулись и узнали:
 Оказались в плену.
 Генерал наш славный Плиев
 С них ружья снимал.
 Малама же их, злодеев,
 Как баранов, в плен поймал⁴⁶.

Ироничное описание пленения турок обусловлено историческими реалиями переправы через Арпачай. Участник этих событий А.А. Брусилов вспоминал о захвате турецкой казармы: «Турки крепко спали, и нам стоило больших усилий разбудить их и потребовать, чтобы они сдались в плен. После нескольких переговоров турки, видя себя окружёнными, исполнили наше требование и сдались без единого выстрела вместе со своим бригадным командиром»⁴⁷.

⁴⁶ Думанова А.П., ст. Червлённая, 1980 г. Вариант см.: Исторические песни на Тереке. С. 93–94 и др.

⁴⁷ Цит. по: Матвеев. 2005. С. 228.

17 апреля 1877 г. русским Эриванским отрядом генерала А.А. Тергукасова была взята турецкая крепость Баязет. В ней был оставлен гарнизон, а войско продолжало наступление. Пользуясь этим, корпус Фаика-паши 5 июня осадил Баязет, имея семикратное превосходство в силе. В цитадели не было воды, её доставляли из ручья под огнём турок. Гарнизон страшно страдал от жажды, но защитники решили держаться до конца. Героическая защита Баязета продолжалась 24 дня. За это время гарнизон из 1330 человек потерял 7 офицеров и 310 солдат и унтер-офицеров⁴⁸. Песня о сражении за Баязет возникла как воспоминание о недавнем прошлом в среде соседей терцев – кубанских казаков, которые в нём непосредственно участвовали, но получила широкое распространение и на Тереке. Очевидно, она перекликалась с событиями, имевшими место на Линии в период «Кавказской войны». Песня сохранила не только подробности осады, но и моральное состояние её защитников:

Вспомним, братцы, дружно грянем!
Тергукасов с нами был.
Он с отрядом к Баязету
Смело, храбро подходил.
Гарнизон наш Баязетский
Атакован турком был,
Голод, жажду принимая,
Он одно своё твердил:
Из нас каждый рад стоять
До последней капли крови,
Чтоб не даться басурману
Живым в руки, его воле.

Даже через 22 дня осадного сидения готовность сражаться и победить у защитников Баязета сохранилась:

А мы, братцы, с богом в бой
На врагов своих пойдём,
Станем твёрдою ногой,
Гарнизон свой отобьём!
Сколько турок ни крепился,
Но не мог там устоять.
И неволей порешился
Баязет опять отдать.

Запоздавшее подкрепление (*Измаил*⁴⁹ *сам прибежал, / Узнав русских избавленья, / Сожалел, что опоздал*) не изменило ход события:

Двадцать восьмой день июня
Будем помнить мы всегда,
И державный наш отец
Не забудет никогда.

⁴⁸ Исторические песни. С. 494 (комментарий).

⁴⁹ Имеется в виду турецкий военачальник Исмаил-паша.

И так будем мы гордиться,
 Что разбили мы врага (*орду*),
 Хоть пришлось нам потрудиться
 В семьдесят седьмом году⁵⁰.

Казачья песня была сложена и о событии, имевшем важное стратегическое значение на Болгарском участке фронта, – взятии 22 августа 1877 г. Ловчи⁵¹, сильно укрепленного турками города. Успех операции обеспечил Скобелев, под командованием которого находились терские казаки. В 5 часов утра началась атака. Турки, увидев русских, открыли по ним ружейный огонь. Подошла русская артиллерия и стала обстреливать турок. После нескольких атак в 2 часа дня город был взят. Казаки преследовали отступавших турок на протяжении нескольких вёрст. Были взяты 2 знамени и масса брошенного оружия. Песня об этом событии, сохранившая все основные детали сражения, начинается так:

Вспомним, терцы, мы про Ловчу,
 Как рубили турок там.
 Пусть же знают басурманы,
 Что не страшны они нам.
 Ай да терцы, ай да терцы,
 Любо, бравы молодцы!

(Припев повторяется после каждого четверостишия).

...Ровно в полночь слух пронесся:
 В пять часов нам выступать,
 Наш отряд идёт под Ловчу
 С басурманом воевать.
 Турок скоро увидали
 В ложементах земляных –
 Пули всюду засвистали,
 Терцы бросились на них.
 С конь – долой и цепью стройной
 Мы атаку повели,
 А за нами тут же скоро
 Наши пушки подвезли...

Дальнейшие действия казаков осуществляются по команде Скобелева:

Командир тогда мгновенно
 Нас вперёд к себе позвал
 И на турок путь-дорогу
 Рукой правой указал,
 Крикнул громко: «С Богом, терцы!
 Шашки – вон, вперёд за мной!
 Труса – стыд в родной станице,
 Смелым – почесть и покой!»

⁵⁰ РС, № 95. В отличие от публикаций Путилова (Исторические песни на Тереке, С. 99: записано В. Пятирублевым в ст. Наурской) в тексте рукописного сборника червленцев слово «орду» заменено на «врага».

⁵¹ Караулов М.А. Терское казачество. С. 176–183.

Беспощадность битвы оправдывалась тем, что Россия заступилась за южных славян, подвергавшихся гонениям со стороны турок:

Нет пощады им, врагам:
Вот вам, варвары, отместка
За поруганных славян!⁵²

Заслуживают внимания песни о взятии Карса, отразившие события 1855 г. и сражения 1877 г. Осадный корпус возглавил генерал М.Т. Лорис-Меликов, действия которого под Карсом фактически завершили войну на Кавказском фронте. Ночным штурмом 6 ноября 1877 г. Карс был взят. Песни о взятии Карса построены по известным ранее схемам: по образцу песен «Ночи тёмны, да они тучи грозны» и «В горах скалистых и обширных». В первую песню вставлялись разные названия городов, которые было трудно завоевать:

Ночи тёмны, да они тучи грозны,
Тучи по небу плывут,
Наши храбрые кизлярцы
Тихим шагом марш идут.
Они идут, маршируют,
Меж собою говорят:
– Трудно, трудно нам, ребята,
Карс-город нам взять,
А ещё же нам труднее,
Нам под пушки подбежать.
Мы под пушки подбежали,
Закричали все «ура»⁵³.

Вторая песня (от той же исполнительницы), содержит упоминание о лишениях, выпавших на долю казаков в неудачном походе 1843 года («Зирянское сидение»), и описания трудностей взятия Карса:

В горах скалистых и обширных
Холод царствовал кругом.
Да там по горам скалистым
Мы шли, сунженцы-молодцы.
Долго, долго мы ходили
По горам и по скалам.
День отдыху не имели,
Ночь стояли мы в цепи...
Гролом пушки застонали
Под шестое ноября:
Крепость мы тогда Карс брали
По велению царя.
Вышли на крепости Карса,
Вся природная скала
Сунженцев не удержала,
Понеслися на ура.

⁵² Исторические песни. С. 375–377.

⁵³ Широкова Е.Г., 1892 г.р., ст. Старый Щедрин, 1972 г.

Там народ был очень смелый,
Победить врага умел,
А российский царь наш белый
Турок всех побить велел.
Будем биться мы по-свойски,
День и ночью мы в горах.
Да прославим всех героев,
Казачи, на весь Кавказ!⁵⁴

Казачи Терско-Гребенского, Волжского, Владикавказского и Горско-Моздокского полков, сражавшиеся на Балканском фронте, были включены в Дунайскую армию, которой руководил брат Александра II Николай Николаевич.

... Там далёко за Балканом
Русский много раз шагал,
И, карая вражьи страны,
Гордых турок побеждал.
Мы идём пугём градедов
Лавры славы добывать.
Смерть за веру, за Россию
Можно с радостью принять.
День двенадцатый апреля
Будем помнить мы всегда,
Как наш царь, отец державный,
Брата к нам подвёл тогда.
Уж он полный царской мочи,
С отуманенным челом,
– Берегите, – сказал, – брата,
Будьте каждый молодцом!
Если нужно будет, в дело
Николая вам пушу,
То идите в дело смело, –
Дедов славы не срамить!
С богом, терцы! Не робейте!
Смело в бой пойдём, друзья!⁵⁵

Упоминание имени брата царя удивительно, поскольку сами императоры XIX в. в казачьем фольклоре безымянны (это некие «белые цари», «отцы державные»). Атаман линейцев (1837–1844) С.С. Николаев утверждал, что редкий из казаков «скажет, как зовут Государя Императора и Наследника престола, прочие отговариваются тем, что их не учили»⁵⁶. Лишь немногие из российских правителей оказались представлены в терском фольклоре (Иван IV, Пётр I, Екатерина II).

Итогом войны, в которой участвовали терцы, стало освобождение Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии от османского владычества.

⁵⁴ Записано от нее же.

⁵⁵ Песня «С богом, терцы, не робея». РС, № 86.

⁵⁶ См.: Очерки истории и культуры казачества Юга России... С. 158.

Так казаки завершили насыщенный военными событиями XIX век, защищая не только Российское государство, но и братьев-славян.

Таким образом, военные события в истории России XIX века запечатлены в исторической памяти терского казачества (Отечественная война 1812 г., «Кавказская война», войны с Турцией), в песнях, которые исполнялись в рассматриваемый период, исполняются и сейчас. Некоторые песни, рассказывающие о тех событиях, в которых терцы участия не принимали, были принесены на Терек переселенцами (напр., донцами). Песни, созданные в регионе самими казаками, содержат наибольшее число подробностей (время, место, особенности климата, природные условия и др.). В казачьих песнях XIX века часто встречаются традиционные стереотипы в восприятии власти (белый царь), врагов (орды, басурман) и др. Зачастую сохраняется и эпический стиль изложения.

Из событий военной истории народная память сохраняла те, где казакам удавалось одержать победу, вынести осаду, вырваться из окружения, и те, где были значительные потери. В фольклоре закрепились, главным образом, успешные действия казаков, обусловленные талантом военачальников, их собственной храбростью и отвагой, привычкой к постоянной опасности и готовностью защищать свою станицу.

В станицах бытовали разные варианты, записанные от женщин и от мужчин. В «мужских» текстах в большей степени присутствовали фамилии исторических персонажей, географические названия и другие подробности, которые отсутствовали в некоторых вариантах, записанных от женщин. Однако часть мужских военных песен сохранилась и в памяти женщин, основных исполнительниц во время фольклорных экспедиций.

Отметим и разную (иногда противоположную) оценку, которая давалась одним и тем же событиям в исторической литературе и в казачьем фольклоре. Казаки не только прославляли геройское поведение станичников и подвиги военачальников, но и отдавали должное противнику, с которым сражались. У казаков Терека создавались и сохранялись песни, содержащие их взгляд на события «Кавказской войны», а также песни с представлениями горцев о тех же событиях. Кавказское влияние прослеживается на содержании, в мелодиях и припевах ряда песенных произведений. При всех негативных оценках, которые в них давались противнику (что вполне понятно, ведь военные столкновения сопровождалась потерями), песни содержали и положительные характеристики тех, с кем казакам приходилось сражаться. При этом отмечались те качества, которые одинаково ценились и казаками, и горцами (отвага, храбрость).

В казачьих военных песнях рассматриваемого периода персонифицировались преимущественно командиры (атаманы, генералы, полковники и др.), которые непосредственно возглавляли походы и сражения (Воронцов, Бяратинский, Круковский, Слепцов и др.). Их военной

тактикой и талантом во многом определялся ход военных действий в регионе. Остальные участники событий – обезличенные «мы» (это и коллективный рассказчик), «они», которые выполняли в боях основную нагрузку: сражались и погибали ради интересов государства (белого царя), а также защищая свои станицы и другие народы.

Рассматривая фольклор как отражение военных событий и жизни терцев, нельзя забывать о том, что произведения устного народного творчества в традиционных обществах играли огромную воспитательную роль. Они формировали представления об исторических событиях, в которых участвовали казаки, оценку их действий, учили мужеству и отваге, упорству в достижении цели и готовности умереть, но не отступить. Песни, передававшиеся из поколения в поколение, содержали образцы воинской доблести, героические подвиги казаков служили примером для подражания,

Терские казаки вписали много славных страниц в историю казачьих войск и прославили русское оружие, сражаясь на фронтах многочисленных войн. Песни об их героическом прошлом живы и сегодня: в публикациях разных лет, в рукописных сборниках и семейных альбомах, на магнитофонных лентах и дисках, в исполнении фольклорных коллективов на праздниках и фестивалях и за семейным столом. Приведённые в статье песни сохранились на Тереке и, более того, получили широкое распространение в разных регионах страны в связи с исходом казачьего населения из автономий Северного Кавказа в 1990-е годы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 22–43.
- Атаман Платов в песнях и преданиях. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. 240 с.
- Белецкая Е.М. Эпизоды Кавказской войны // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: мат-лы Всерос. заочн. научн.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) /отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2012. С. 10–16.
- Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южно-российское обозрение. № 45. Ростов-на-Дону, 2007. С. 88–101.
- Виноградов В.Б. К оценке состояния историографии русско-кавказского единства на рубеже двух тысячелетий (вводные заметки) // Вопросы Южнороссийской истории /под ред. В.Б. Виноградова. М.; Армавир, 2007. Вып. 13. С. 3–10.
- Дегоев В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. 1999. № 6. С.156–166.
- Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи: очерк истории // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути. Армавир; Ставрополь: Дидзайн-студия Б, 2013. С. 27–32.
- Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 2001. 528 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 7).

- Исторические песни на Тереке /Подг. текстов, статья и прим. *Б.Н. Путилова*. Грозный: Грозненское областное изд-во, 1948. 144 с.
- Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. 284 с.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. 659 с.
- Казак в войнах России /Под общ. ред. Б.В. Игнатьева. М.: Можайский полиграфический комбинат, 1999. 192 с.
- Караулов М.А.* Терское казачество. М.: Вече, 2008. 320 с. (История казачества).
- Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. 370 с.
- Клычников Ю.Ю.* Складывание русско-северокавказского единства и проблема «Кавказской войны»: оценки и суждения // Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. Назрань: Пилигрим, 2008. Т. 2. С. 55–63.
- Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /под ред. Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА на Кавминводах, 2011. 256 с.
- Кононова Ю.Н.* Архаичные черты образа врага (на материалах песенного фольклора казаков-линейцев) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2014. С. 21–23.
- Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 52–61.
- Латин В.В.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 179–185.
- Матвеев О.В.* «Дэ диды, праиды служилы...» «Служилое» начало в этногенетических представлениях кубанских казаков // Из истории дворянских родов Кубани. Краснодар, 2000. С. 113–136.
- Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII–начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: «Кубанькино», 2005. 418 с.
- Муханов В.М.* К вопросу о постсоветской историографии Кавказской войны // Современный Кавказ: геополитический выбор. Сб. научных статей. М.; Пятигорск, 2009. С. 30–42.
- Основные направления историографии Кавказской войны // Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 132–135.
- Очерки истории и культуры казачества Юга России (коллективная монография). Волгоград: изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.
- Репина Л.П.* Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. 960 с.
- Савельев А.Е.* Кавказская война 1817–1864 гг. в исторической науке // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 161–166.
- Сборник казачьих песен / собрал и издал С.А. Холмский. Курск, 1910.
- Терек вспышный: песни гребенских казаков / сост. Белецкая Е.М. Художник С.В. Наймушина. Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. 259 с.

- Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1852 года). Собр. соч. в 20 т. Т. 3. М., 1961. С. 162-374.
- Толстой Л.Н. Набег. Рассказ волонтера. Собр. соч. в 22 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1979. С. 7–32.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.

REFERENCES

- Avramenko A.M., Matveev O.V., Matyuschenko P.P., Ratushnyak V.N.* On the evaluation of the Caucasian war from the scientific standpoint of historicism // the Caucasian war: the lessons of history and modernity. Krasnodar, 1995. P. 22–43.
- Ataman Platov in the songs and stories. M.: SRC of Russian folklore, 2001. 240 p.
- Beletskaya E.M.* Episodes of the Caucasian war // Russian Cossacks: history, problems of revival and prospects of development / ed. by V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 2012. P. 10–16.
- Velikaya N.N.* Rossiiskost as a paradigm of the study of the Russian-Caucasian unity // The actual and controversial problems in the history of the North Caucasus. South-Russian Outlook. No. 45. Rostov-on-Don, 2007. P. 88–101.
- Vinogradov V.B.* To the assess of the state of the historiography of the Russo-Caucasian unity at the turn of two millennia (introductory notes) // The problems of Russian history / ed. by V.B. Vinogradov. M.; Armavir, 2007. Vol. 13. P. 3–10.
- Golovanova S.A.* Russia's State policy to regulate the number of Terek Cossacks in the Kuban region in the XVIII–XIX cc.: the ethno-demographic aspect. Armavir: AGPA, 2014. 124 p.
- Degoev V.* The war in the Caucasus: alternative approaches to its study // Questions of history. 1999. No. 6. P. 156–166.
- Dudarev S.L.* V.B. Vinogradov's school: the origins, phases, ideas: an essay of a history // Kavkazovedcheskaya School founded by V. B. Vinogradov. 50 years on the road. Armavir; Stavropol: Design Studio B, 2013. P. 27–32.
- Historical songs / Comp., Prefatory article, Tr. texts and comments. S.N. Azbelev. Moscow: Russkaya kniga, 2001. 528 p. (Library of Russian folklore; V. 7).
- Historical songs on Terek / GE. texts, art and approx. B.N. Putilova. Grozny: the Grozny oblast publishing house, 1948. 144 p.
- Historical songs of the nineteenth century. Leningrad: Nauka, 1973. 284 p.
- The history of the peoples of the North Caucasus (the end of XVIII century – 1917), ed. by A.L. Narochnitskiy. M.: Nauka, 1988. 659 p.
- Cossacks in wars of Russia / Ed. by Ignat'ev B.V. M.: Mozhayskiy print., 1999. 192 p.
- Karaulov M.A.* Terek Cossacks. Moscow: Veche, 2008. 320 p. (History of the Cossacks).
- Karaulov M.A.* Terek Cossacks in the past and present. Vladikavkaz, 1912. 370 p.
- Klichnikov Y.Y.* Folding of the Russian-North Caucasian unity and the problem of "the Caucasian war": judgments and assumptions // The Chechens in the community of the peoples of Russia. Nazran: Pilgrim, 2008. Vol. 2. P. 55–63.
- Klichnikov Y.Y., Tsybulnikova A.A.* "So violent liberty laws pressed...": the struggle of the Russian statehood against the effect of predatoriness in the North Caucasus / ed. by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA on the Caucasian Mineral Waters, 2011. 256 p.
- Kononova Y.N.* Archaic features of the enemy's image (according the materials of song folklore of Cossack Lineitcev) // From history and culture of a linear Cossacks of the North Caucasus / ed. by N.N. Velikaya, S.N. Lukash. Armavir, 2014. P. 21–23.
- A round table "Problems of the Caucasian war in modern literature" // Scientific thought of the Caucasus. 2007. No. 2. P. 52–61.
- Lapin V.V.* The recent historiography of the Caucasian war // Domestic history. 2008. No. 5. P. 179–185.

- Matveev O.V.* "De Dida, Pradidy servitors..." "Servitors" ethnogenic origins in the ideas of the Kuban Cossacks // From history of the noble families of the Kuban. Krasnodar, 2000. P. 113–136.
- Matveev O.V.* Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (the end of XVIII– the beginning of XX): the categories of the military mentality. Krasnodar: "Kuban'kino", 2005. 418 p.
- Mukhanov V.M.* To the question of post-Soviet historiography of the Caucasian war // The Modern Caucasus: geopolitical choice. M.; Pyatigorsk, 2009. P. 30–42.
- The main directions of the historiography of the Caucasian war // The North Caucasus in the Russian Empire / Ed. by V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. P. 132–135.
- Essays on the history and culture of the Cossacks of Southern Russia (collective monograph). Volgograd: Volgograd branch of FGBOU VPO RANXiGS, 2014. 624 p.
- Repina L.P.* Knowledge about the past and the connection of times in the historical consciousness // Images of time and historical view: Russia – the East – the West /ed. by L.P. Repina. M.: Krugh, 2019. 960 p.
- Savel'ev A.E.* the Caucasian war of 1817-1864 in historical science // Questions of history. 2011. No. 2. P. 161–166.
- Terek wspanishniy: songs of the Greben Cossacks / comp. Beletskaya E.M. Artist Naymushin S.V. Grozny–Ekaterinburg, 1991–2007. 259 p.
- Tolstoy L.N.* The Cossacks (Caucasian story of 1852). Collection of works in 20 vol. V. 3. M., 1961. P. 162–374.
- Tolstoy L.N.* The foray. The story of a volunteer. Collection of works in 22 vol. V.2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. P. 7–32.
- Trepavlov V. V.* "The White king": the image of the monarch and perceptions of a citizenship among the peoples of Russia in XV–XVIII cc. M.: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p.

Белецкая Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Тверского государственного университета; Ekaterina46@mail.ru

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета; Velikaya55@mail.ru

Military events of the 19th century in Russian history and in folk songs of the Terek Cossacks

The paper examines the military-historical events of the nineteenth century, which were reflected in the songs of the Terek Cossacks: the war of 1812, "the Caucasian war", war against Turkey. The folk memory preserved not only the victories, but unsuccessful battles where there were significant losses. In these songs we meet the stereotypes of the perception of the military actions and there is the Caucasian influence. The heroes the songs were commanders directly headed of campaigns and battles. The reflection of the historical events in the Cossack folklore served for keeping the best military traditions and upbringing of the young generation.

Keywords: Terek Cossacks, war of the nineteenth century, military and historical songs.

Ekaterina Beletskaya, PhD (Philology), associate professor of the Department of theoretical bases of physical education, Tver State University; Ekaterina46@mail.ru

Natalya Velikaya, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of General and Russian history, Armavir State Pedagogical University; Velikaya55@mail.ru